

Общая газ. 1995-

10-16 авг. - с. 13.

Ильюшенко получил письмо от Коржакова — и началось

На вопросы «ОГ» отвечает Елена МАСЮК

Руслан ЯМАЛОВ

Елена Масюк. Единственная у нас женщина-телекорреспондент, работающая в горячих точках. За эти репортажи награждена премией «Э-фи». Начала во «Взгляде», работала в видеоприложении к газете «Совершенно секретно», в программе «Нечистая сила» на Российском канале, два года сотрудничала с западными телекомпаниями. С 1993 года — в компании НТВ. В июле этого года генеральной прокуратурой начата проверка по факту интервью Елены Масюк с объявленным в розыске Шамилем Басаевым.

— Лена, а раньше случались какие-то осложнения из-за ваших репортажей?

— Год назад были проблемы после поездки в Дагестан. Мы тогда показали, что местное начальство борется с холерой совсем не так успешно, как докладывает об этом в Москву. За время чеченской войны неприятности были у НТВ в целом, ну и у меня в частности. В федеральных войсках и высшее руководство, и рядовые не раз демонстрировали свое недовольство тем, что я чаще всего работаю на чеченской стороне. А что мне и моим коллегам прикажете делать, если наше командование с самого начала войны не пускает журналистов на позиции, не дает нам информации или явно ее искажает, отказывает в аккредитациях? Исключения делаются только для 1 канала, а нам ничего не остается, кроме как идти снимать к чеченцам.

— Делая интервью с Басаевым, вы понимали, что вас могут привлечь к ответственности за недоносительство?

— Но в законе этого нет! Я сейчас специально досконально изучила Уголовный кодекс. Вот, смотрите: статья 190 — гражданин обязан сообщить об известных, готовящихся или совершенных преступлениях. Но о том, что совершил Басаев в Буденновске, уже знали все, когда я с ним встретилась. Статья 189: заранее необещанное укрывательство преступника. Но я не укрывала Басаева. А мне приписывают нарушение этих статей. О том, что надо сообщать о местонахождении преступника, в законе ничего не говорится.

Кроме того, в моем сюжете было еще одно интервью — с полковым командиром, сказавшим, что многие чеченцы готовы повторить «подвиг» Басаева. Его фраза, по мнению следователя, может быть расценена как пропаганда насилия. А я это расцениваю как предупреждение о возможной опасности.

— Странно, что ваш репортаж был в эфире 26 июня, а о начале проверки стало известно лишь 13 июля.

— Насколько я поняла, 13-го к Ильюшенко поступило соответствующее письмо от Коржакова, после чего все и началось. Я спросила, почему претензии предъявлены только мне, ведь и другие журналисты потом брали интервью у Басаева? На что мне ответили: да, но вы были первой, кто это сделал.

— Какие подробности особо интересовали следователя?

— Он спрашивал, как далеко находились федеральные войска от того места, где я беседовала с Басаевым. А до них было, между прочим, километров 50–60. Причем следствие почему-то уверено, что у меня заранее была договоренность о встрече. На самом деле все произошло спонтанно. Мы просто ре-

шили сделать материал в Ножай-Юртовском районе, о котором, в отличие от района Ведено или Шатоя, мало что известно. Поскольку местная «почта» работает быстро, Басаев узнал о нашем приезде и по собственной инициативе пришел туда, где мы остановились, — возможно, потому, что знал меня: в феврале я делала с ним интервью. И что же — я должна была бегом бежать эти 50 или 60 километров (транспорта у нас не было) и доложить о его местонахождении? Но дело даже не в этом. У журналистов и у спецслужб изначально разные задачи. Взяв интервью, я показала, что Басаев вовсе не в Пакистане, как утверждали власти, объясняя, почему его не удастся поймать.

— А ваше мнение: он действительно был недоступен для спецслужб?

— Нет, конечно. Либо его просто не хотят поймать, как не хотели поймать Дудаева все эти месяцы, либо же спецслужбы непрофессиональны.

— Как бы вы отнеслись к журналисту, который, оказавшись в вашей ситуации и, сообщив о местонахождении Басаева?

— Я просто уверена, что никто из тех, кто ездит в Чечню, этого бы не сделал. Это вообще особый тип людей: они рискуют жизнью, они выдерживают огромные нагрузки и физические, и психологические — ведь когда мы приходим на чеченскую сторону, нам никто не верит, нас считают агентами ФСБ и каждый раз приходится доказывать, что ты действительно журналист. Отчет жизни порой идет на сутки, как было в Грозном во время штурма президентского дворца. Нас тогда было двое корреспондентов от НТВ — я и Боря Кольцов, мы работали через день, а жили в Махачкале. И тот, кто возвращался вечером со съемок, мог быть уверен лишь в одном: что доживет до послезавтрашнего утра. А ведь кроме того, корреспондент еще несет ответственность и за своего оператора, за его жизнь.

— А с другой стороны, оператор для вас, наверное, еще и защитник, — скажем, когда вы идете в горы к боевикам?

— Смотря кто. Есть такие, которые могут сказать: не пойду с тобой, с какой стати я должен идти в горы 20 километров пешком и рисковать жизнью? Такие случаи были. Тех, кто согласится, можно пересчитать по пальцам. Среди них — тот замечательный оператор Геннадий Карандин, с которым мы снимали Басаева.

Он показал себя настоящим мужчиной в той сложной ситуации.

— Война, наверное, затягивает, как наркотик, и страх со временем притупляется?

— Я бы не сказала, что это наркотик. Но желание сделать какой-то эксклюзив порой настолько сильно, что затмевает разум. Перестаешь адекватно оценивать ситуацию вокруг себя. Тут даже иногда надо, чтобы кто-то тебя остановил. Хотя каждый следующий сюжет в командировке дается труднее, чем предыдущий, каждая новая командировка сложнее, чем первая, потому что вначале по дур ты можешь рисковать так, как потом, уже понимая на что идешь, ни за что не решишься.

— Давайте вернемся к вашему разговору со следователем. Это что, был допрос?

— Нет, он сказал, что это просто беседа, однако протокол был составлен.

— Кто-нибудь еще присутствовал при этой встрече?

— Юрист НТВ. Это происходило в нашей корреспондентской комнате, а вот оператора вызывали уже в прокуратуру.

— Что может за всем этим последовать?

— По результатам проверки прокуратура сделает вывод — возбуждать или нет уголовное дело. По идее, такая проверка должна быть проведена в десятидневный срок, так что в ближайшие дни, вероятно, ситуация прояснится.

— Но, судя по тому, что вы сказали, оснований для возбуждения дела как будто нет.

— Знаете, как говорится: был бы человек, а статья найдется. Моя «вина» и в том, что я насолдила военачальникам своими репортажами, и в том, что я журналист телекомпании НТВ. Недаром, наверное, это расследование начато одновременно с возбуждением дела против «Кукол».

— Вы сделали для себя вывод из этой истории? Будете теперь осторожнее?

— Ни в коем случае. Интервью с Басаевым я считаю своей журналистской удачей и ничуть о нем не жалею. И потом — нельзя создавать прецедент. Если я сейчас испугаюсь и буду сидеть поджав хвост, то другие журналисты, оглядываясь на мой печальный опыт, могут тоже спастись в подобной ситуации.

Беседу вела
Галина ЧЕРМЕНСКАЯ